

Эволюция социально-политических убеждений обуславливала появление нового подхода к истории, приводила к отступлениям от метафизического рассмотрения явлений прошлого. Потому справедлив вывод Карякина и Плимака, что в третьем издании «Истории обеих Индий» имеются «признаки конкретно-исторического подхода к общественным явлениям», «отдельные элементы историзма». Правда, эти элементы историзма «не мешали Рейналю в любом месте, безотносительно к уровню развития изучаемой страны, рассматривать ее порядки в свете абстрактных принципов „природы“, „естественной справедливости“ и т. п.».²²

И все же появление «элементов историзма» знаменательно. Сочинение Рейналя и Дидро — важнейший идеологический документ, зафиксировавший на конкретных примерах истории разных стран преимущества нового понимания истории, вскрывший объективные закономерности общественного развития. В этой связи необходимо обратить внимание на глубокую зависимость появления «элементов историзма» от учета опыта происходившей на глазах просветителей революции. А интерес к революции и стремление обобщить ее опыт в свою очередь определяли появление недоверия к концепции просвещенного абсолютизма, рост скептического отношения к центральной политической доктрине просветителей.

Известно, что в конце жизни это скептическое отношение характеризует убеждения Гельвеция. Не менее красноречива эволюция взглядов Дидро. Веруя в огромные возможности преобразования страны волею просвещенного монарха, он принял приглашение Екатерины II и приехал из Парижа в далекий Петербург. Беседы с императрицей огорчили философа, но они не поколебали доктрины просвещенного абсолютизма, которую он исповедовал. Уехав из Петербурга в 1774 г., Дидро, остановившись в Гааге, еще раз перечитал «Наказ» Екатерины II «с пером в руках». Так появились его «Замечания на „Наказ“». Само составление «Замечаний» продиктовано все тем же намерением «учить царствовать» философа на троне. При их написании он был свободнее и искреннее, чем во время бесед с императрицей в Петербурге. Оттого в «Замечаниях» много горьких упреков.

Уже во «Вступлении» он констатировал: «Русская императрица, несомненно, является деспотом». И тут же выступал с советом: «...отказаться властвовать по произволу — вот что должен сделать хороший монарх, предлагая Наказ своей нации, если только монарх столь же велик, как Екатерина II, и столь же враждебен тирании, как она». Право советоваться обуславливалось верой: «Если, читая только что написанные мною строки, она обратится к своей совести, если сердце ее затрепещет от радости, значит она не пожелает больше править рабами».²³ Свои суровые

²² Там же, с. 97.

²³ Дидро Д. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1947, т. X, с. 419—420.